П.А. Афанасьев

РЕВИЗИЯ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА М.М. СПЕРАНСКИМ

Посещение Сибири М.М. Сперанским по своим масштабам и значимости последствий явилось крупнейшим событием в истории региона в первой половине XIX в. Талантливый администратор лично побывал в отдаленных местах Сибири «для точнейшего познания истинного положения дел»¹. Одним из ярких и показательных эпизодов, имевших важнейшие последствия, стало посещение государственным ревизором Колывано-Воскресенского горного округа, находившегося в ведении Кабинета Е.И.В. (далее – Кабинета). В обширной исследовательской литературе алтайская часть рассматриваемой ревизии находится в тени значения и последствий данного мероприятия в масштабах всего сибирского региона. Посещение М.М. Сперанским Алтая интересовало исследователей в двух аспектах. С одной стороны, они касались подачи крестьянами жалоб ревизору и реакции на нее со стороны местной власти, рассматривая именно этот случай в качестве наиболее типичного и показательного среди других подобных примеров². С другой стороны, значительно большее внимание исследователи уделили анализу проекта преобразований М.М. Сперанского на Алтае и дискуссии, вызванной его обсуждением³. Подобная фрагментарность в освещении темы заставляет в настоящей публикации рассмотреть ревизию М.М. Сперанского как способ государственного контроля за ведомственным регионом Западной Сибири.

¹ Прутченко С. Сибирские окраины. СПб., 1899. Приложения. С. 95.

² См.: Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917). Новосибирск, 1973. С. 120–121; Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 69–70.

³ См.: Агапова Т.И. Кабинетское хозяйство Сибири в конце XVIII – начале XIX в. // Учен. зап. Комсомольского-на-Амуре гос. пед. ин-та. 1962. Т. 2. С. 104–108, 114–118; Соболева Т.Н. Проект социально-экономических преобразований на Алтае М.М. Сперанского // Социально-экономическое развитие Алтая в XVIII–XIX вв. Барнаул, 1984. С. 49–68.

В литературе неоднократно указывалось, что ревизия Сибири была поручена Сперанскому одновременно с назначением его сибирским генерал-губернатором 22 марта 1819 г. Однако обращение к делопроизводственной документации показывает, что местное руководство Колывано-Воскресенских заводов в течение трех месяцев думало о возможном приезде сенаторов для осуществления ревизии, не будучи точно в нем уверенным. 22 мая 1819 г. начальник заводов П.К. Фролов предписал земским управителям подготовить «на случай проезда и востребования гг. сенаторов» ведомости о «всем, относящемся до сельского управления» и привести в порядок делопроизводство волостных управлений. Кроме этого, была составлена описательная часть к рапортам всех земских управителей, в которой излагались основные нормативные положения относительно приписных крестьян и их повинностей¹. Такой набор сведений, не включавший информацию об основной экономической деятельности округа, целиком соответствовал предписаниям инструкции о проведении ревизии. 10 июня в Барнауле было получено известие о прибытии Сперанского в Тобольск и вступлении его в должность генерал-губернатора. Лишь 13 июня 1819 г. исправляющий должность чаусского земского управителя Загибалов сообщил Фролову, что, по частным сведениям ревизию осуществит сам М.М. Сперанский, причем вскоре он должен проехать через округ в Томск. В начале июля новый генерал-губернатор проехал через северные волости заводского округа, получив при этом рапорт об их состоянии от Загибалова².

Второе посещение М.М. Сперанским Колывано-Воскресенского горного округа, являвшееся его ревизией, состоялось в 1820 г. О новой поездке ревизора, в отличие от предыдущей, было известно заранее. В конце июля П.К. Фролов распорядился подготовить земским управителям ведомости по образцу прошлых годов для подачи их Сперанскому во время его посещения округа. В середине августа, через несколько дней после приезда из Иркутска в Томск, генерал-губернатор отправился на Алтай. Осмотр им округа занял около месяца. Ревизор посетил Барнаул и Змеиногорск, однако точный маршрут поездки неизвестен³.

Несмотря на то, что первое посещение генерал-губернатором части округа с трудом можно назвать ревизией, оно выявило ряд характерных черт в управлении регионом. Одна из них была связана со сбором сведений для ревизора. Видимо, Сперанскому было известно об этом, поэтому он, получив ведомости о северных волостях, потребовал от Фролова подачи подобной информации об остальных волостях. Однако

¹ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 2314. Л. 11–11 об., 15 об.–16 об.

² Там же. Л. 42, 79–80 об.; Д. 2306. Л. 476.

³ Там же. Д. 2314. Л. 159, 162, 170, 172, 174, 176, 177, 179.

проблема заключалась в том, что из 10 земских управителей лишь 5 предоставили сведения в Барнаул в положенный срок. Остальные исполнили предписание начальника заводов только в конце 1819 г. после наложения на них денежного штрафа¹.

Другое, более важное событие, вызванное проездом Сперанского через часть заводского округа в 1819 г., состояло в подаче ему прошений со стороны крестьян четырех северных волостей. Очевидно, мысль об этом появилась у них сразу вскоре после проезда нового генерал-губернатора, который, по слухам, «оказывает покровительство и защищает чернь». Обратившись 21 июля к земскому управителю Загибалову с просьбой разрешить подачу прошений Сперанскому и получив отказ, крестьяне Чаусской и Ояшинской волостей самостоятельно «с общего согласия» отправили в Томск доверенных лиц. Прошение им составил и написал томский чиновник Климов. подача прошения крестьянами Варюхинской волости осуществлялась также «по многолюдному их собранию и общей решимости». К этому их подтолкнула остановка на ночлег в деревне Варюхиной чиновника из свиты М.М. Сперанского – П.О. Козлинского. Среди крестьян распространился слух, что он специально едет вслед за генерал-губернатором, поскольку ему поручено писать просьбы от крестьян. Они воспользовались этим, несмотря на запрет составления жалобы со стороны волостного старосты. Только прошение крестьян Тутальской волости явилось личной инициативой нескольких человек, узнавших о подаче жалобы тремя предыдущими волостями. Крестьянские общества данной волости просителя не посылали и своего согласия на жалобу не давали. Очевидно, в последнем случае дело заключалось не столько в тяжести повинностей, сколько в срабатывании механизмов общинного сознания. Сам П.О. Козлинский, составлявший жалобу для тутальских крестьян, заметил, что «в сей просьбе означены не только и не те суммы денег, каковые с них собираются, но и не те заводские работы, которые исправляет Тутальская волость»².

Как правило, в литературе дается лишь общая оценка направленности прошений крестьян против обременительных заводских повинностей. Действительно, все четыре прошения начинаются с констатации того, что «крестьяне, неся великие налоги заводских работ, пришли в совершенное разорение». Однако более пристальный анализ прошений приводит к выводу, что, выделяя заводскую повинность в качестве наиболее тяжелой, крестьяне тем не менее рассматривали её в одном ряду с остальными земскими повинностями. На наш взгляд, Т.Н. Соболева верно отметила, что крестьяне в жалобах М.М. Сперанскому «не делали

¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2314. Л. 81–82.

² Там же. Д. 2378. Л. 326, 338; Д. 2849. Л. 655, 660–662.

большого различия между земскими и заводскими повинностями, подчеркивая, что выполнение их «натурой» разоряет крестьянские семьи»¹. Все описания бедственного положения крестьян и их семей связаны в прошениях именно с этим принципом выполнения повинностей. С другой стороны, просители жаловались и на высокое денежное выражение всех «тягостей» при желании выполнить их вольным наймом. Однако в обоих случаях крестьяне не выступали против самих повинностей и требовали не отмены их, а «уменьшения таковой несносной тягости».

Основной пафос недовольства крестьян, на наш взгляд, был направлен на несправедливый, по их мнению, принцип обложения повинностями. Они раскладывались на все население, независимо от возраста, физического состояния и степени трудоспособности. Поэтому не случайно во всех прошениях говорится о том, что «годной работник отработывает от двух и почти до трех душ», в итоге чего «оплачивается большая половина меньшею». При этом крестьяне Варюхинской волости прямо просили Сперанского убедиться в «невозможной тягости» по книгам раскладки повинностей. Крестьяне Чаусской волости, сравнив свое нынешнее положение со временем подчиненности губернской администрации, существовавшей до 1797 г., фактически напрямую обвинили в увеличении объема своих повинностей заводское ведомство. Такие выводы заставляли крестьян воздерживаться от подачи жалоб горным властям, «страшась последствий оному». Крестьяне помнили наказание чаусских крестьян в 1813 г., поэтому лишь «чрезвычайные нынешние тягости» побудили их обратиться к генерал-губернатору². Последовавшие события подтвердили опасения крестьян. Земский управитель Загибалов сразу же донес П.К. Фролову о подаче прошений. Начальник заводов тут же сообщил об этом в Кабинет и назначил чиновника для расследования причин, побудивших крестьян подать жалобы. Этим поступком Фролов перехватил инициативу в свои руки, дав понять высшему руководству, что факт подачи крестьянами жалоб известен ему и ситуация находится под его контролем.

Однако обращение крестьян напрямую к генерал-губернатору, минуя местную ведомственную администрацию, было серьезной утечкой информации о ситуации в округе, позволившей Сперанскому сделать далекоидущие выводы. Хотя он не стал рассматривать жалобы и направил их в Кабинет, такой его поступок был, на наш взгляд, вполне обоснованным. Приведенные Г.П. Жидковым объяснения Сперанского по этому поводу свидетельствуют, что генерал-губернатор, действуя в рамках инструкции, предписывавшей лишь осуществление инспекции, и стремясь обнаружить истоки проблем, понял необходимость не кон-

¹ *Соболева Т.Н.* Указ. соч. С. 50.

² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2378. Л. 326–328, 331, 333, 340.

кретного разбора просьб, а изменения существовавшей окружной системы, о чем прямо дал понять и управляющему Кабинетом Гурьеву¹.

Прошения крестьян в конце 1819 г. были переадресованы Кабинетом П.К. Фролову. Предписание, сопровождавшее их, выразило, на наш взгляд, серьезную озабоченность Гурьева предложением Сперанского. Поручая «заняться исследованием жалоб касательно заводских работ», Гурьев явно стремился свести все к нарушению законов и злоупотреблениям отдельных лиц, допуская изменения лишь в крайнем случае и в рамках существующей системы, «без ущерба пользы заводской»².

Изучение положения крестьян и обстоятельств составления прошений завершилось уже 2 января 1820 г. Однако все итоговые материалы были предоставлены П.К. Фроловым в Кабинет лишь 21 октября 1820 г., после вторичного посещения округа М.М. Сперанским. В ходе него Фролов, на наш взгляд, стремился продемонстрировать ревизору благополучность ситуации в регионе. Это начальник заводов выразил не только в своей записке об округе, адресованной Сперанскому, но и своим поведением: он не сопровождал генерал-губернатора во время его поездки по Алтаю. Между тем местная администрация, очевидно, опасалась реакции Сперанского в отношении своих действий, предпринятых по крестьянским жалобам. Так, Загибалов не стал сопровождать ревизора, прикрывшись делами и внезапной болезнью. Во время проезда Сперанского по северной части округа бердский земский управитель особо отметил, что генерал-губернатор проехал «при общей тишине, от поселян благополучно». Поэтому решения о необоснованности крестьянских прошений 1819 г. и наказании зачинщиков, шедшие вразрез с мнением Сперанского о поданных ему жалобах, были приняты после окончания ревизии. 18 мая 1822 г. было решено переселить «виновных» крестьян в другие волости, наказав их этим за «своевольства, а паче несправедливости и излишнего тем начальству затруднения»³.

По завершении ревизии М.М. Сперанским был составлен отчет, касающийся в том числе и Кольвано-Воскресенского округа. Во всем его тексте видно неприятие автором окружной системы организации горнозаводского хозяйства, которую он метко охарактеризовал как «губернию в губернии». Фактически Сперанский предложил лишить ведомственное руководство помещичьего права на округ и его население, признав за Кабинетом лишь собственность на заводы и производимую ими продукцию. В то же время, анализируя природно-экономические факторы (ограниченность запасов руды, удорожание производства), Сперанский пришел к выводу, что поддерживать заводы необходимо «если не как источник дохода, то как установления достоинству Большой Империи

¹ Жидков Г.П. Указ. соч. С. 121; Прутченко С. Указ. соч. С. 95.

² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2378. Л. 324.

³ Там же. Д. 2314. Л. 177–180; Д. 2849. Л. 655, 668.

свойственные». Данная мысль должна была смягчить реакцию Кабинета на предложения Сперанского относительно приписных крестьян¹.

Центральное место в отчете заняла проблема их зависимости. Постоянно подчеркивая государственный статус крестьян округа, Сперанский стремился доказать, что «заводское начальство может обойтись без всякого наряда приписных крестьян». Негодование ревизора вызвали, однако, не сами повинности, а то, что они легли в основу исключительного положения округа в административном устройстве Сибири. Предложение Сперанского о замене работ 5-рублевой податью фактически означало освобождение крестьян от приписного статуса. Новый налог, на наш взгляд, связывался автором проекта не с зависимостью населения от заводов, а с фактом размещения заводов на исконной территории проживания крестьян. Подобное решение должно было учесть как интересы крестьян, желавших освобождения от заводских работ, так и цели Кабинета в регионе, стремившегося минимизировать собственные расходы на горнозаводское производство. К тому же освобождение приписных крестьян должно было лишить кабинетское ведомство главного обоснования исключительного положения региона². Однако обсуждение проекта продемонстрировало нежелание Кабинета лишиться даровой рабочей силы в обмен на широкие перспективы развития Томской губернии. Поэтому в ходе дискуссии освобождение приписных крестьян, являвшееся стержнем всего проекта М.М. Сперанского по включению Алтая в общесибирское пространство, утратило такую широкую трактовку и приобрело сугубо ведомственное значение.

В целом важнейший итог ревизии М.М. Сперанского в отношении Кольвано-Воскресенского горного округа заключался в выходе ревизора за рамки узководственных интересов региона. Знакомство с жалобами крестьян и последующая ревизия региона укрепили «светило российской бюрократии» в необходимости изменения окружной системы управления. Являясь сторонником единообразного административного устройства, Сперанский даже на ограниченном материале сумел объяснить не только основу замкнутости региона, но и предложить целую программу его дальнейшего развития в общегосударственных рамках. В отличие от большинства последующих государственных и ведомственных инспекций округа, результаты ревизии Алтая Сперанским не носили прикладного характера, а были связаны с разработкой общей модели устройства Сибири. Подобные последствия ревизии были связаны не только с её государственным статусом, но и с масштабностью личности ревизора. Однако Кабинет не готов был совмещать государственные и ведомственные интересы, что значительно снизило результативность ревизии горнозаводского региона.

¹ Прутченко С. Указ соч. С. 44–45, 47.

² Там же. С. 42, 44, 47–50.